

Наталья Волохина

*Уж
на сковородке,
или Слава богу,
вынужден жить!*

Наталья Волохина
Уж на сковородке, или
Слава богу, вынужден жить!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17796938

ISBN 9785447433345

Аннотация

О любви и ненависти, жизни и смерти, об умных и не очень. Смешно и грустно, по-доброму и язвительно. А в целом – жизнь, скучная и обыденная до тех пор, пока мы не посмотрим на неё глазами писателя. И она пройдет снова через сердце, и вздохнет читатель: «Слава богу... вынужден жить!» Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	6
Ироничные философские сказки	9
Камень счастья	9
Царевна, которая стала лягушкой	13
О Несчастном Ване и Добром человеке	18
Сказка про белого бычка, или О том, что мечтать вредно	22
Любовь и счастливый брак	26
Красота несказанная	29
Сказка про пони, которая думала, что она лошадь	33
Русалочка – новая сказка со старым названием	37
Сказка о малиновом звоне	42
Сказка о Юродивом, Убогом и Кликуше	50
Сказка в тепло-коричневых тонах	54
Сказка о мужчинах в интересном положении	58
Высокохудожественная сказка про холодец из Эрмитажа	64
Сказка о старых привычках и новом везении	69
Рифмозависимость	74
Замученный мальчик	79
Томинокерша	82

Бытовые рассказы	87
Банка крови	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Уж на сковородке, или Слава богу, вынужден жить!

Наталья Волохина

© Наталья Волохина, 2018

ISBN 978-5-4474-3334-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В сборнике размещены рассказы из циклов:

«Озорушки»

«Картинки с выставки»

«Дикие сказки»

«На том берегу»

«Здесь наша Родина»

От автора

Моя профессия вынуждает задавать людям неудобные вопросы, дабы вернуть их в реальность. Диалоги эти я коротко сформулировала в названии сборника «Уж на сковородке, или Слава богу, вынужден жить!». В развернутом виде звучит примерно так:

- Вы жить хотите?
- Кто ж не хочет?
- Я лично вас спрашиваю, да или нет?
- Ну, раз родили, значит надо жить.

– Вынуждены? А сами хотите – да или нет?

– Ну, куда деваться?

– Не хотите?

– Почему? Хочу.

– Значит, да.

– Да, – принужденно.

– А зачем?

– Как зачем? Зачем, все.

– Я лично вас спрашиваю.

– Ну мне много зачем...

– Например?

Пауза. После перечисляют обязанности.

– Вы все перепутали, я спрашивала, зачем вы хотите, а не должны жить.

Тупик или невнятные отговорки

– А сколько лет хотите жить?

– Это не мне решать (радостно, облегченно), это как Бог даст.

– Он, конечно, разберется, но вы сами сколько хотели бы?
Вдруг, столько и отпустит.

Обычно пугаются. Под нажимом озвучивают какую-нибудь цифру. Чаще большую.

– Чем заниматься будете весь оставшийся срок, как страдать перестанете (они якобы за здоровьем пришли)? Когда все вышивки вышьете, дачи перекопаете, внуков вырастите, прически переделаете, Колизеи посмотрите, деликатесы съе-

дите. А время все еще есть?..

Я решила, что не обязательно писать новую книгу, можно порыться в чемодане и – Бог в помощь!

Ироничные философские сказки

Камень счастья

С одной дамочкой беда приключилась – стала она всего бояться. Ну, всего – всего: и того, что есть, и того, что нет. Маялась – маялась сердешная и пошла к колдунье. Та по-

шептала над камешком, завязала его в тряпочку и велела повесить узелок с камешком на шею, а как станет страшно, взяться рукой за него и все пройдет. Все у дамы сразу наладилось. Как испуг какой случится, она хватать рукой за камешек, и как рукой снимет.

Только через какое-то время снова с дамочкой неладное сделалось. Стало ее все раздражать: и запахи, и звуки, и добрые люди, и злые, и умные, и глупые. Даже собственный супруг раздражал беднягу до чесотки. Дочесалась она до кровавых корост и пошла к колдунье. Колдунья испытанное средство применила – пошептала над другим камешком и велела его тоже на шею повесить. Дамочка вмиг стала спокойная, уравновешенная, даже добродушная. Но только судьба у нее, видно, была тяжелая, а может карма такая – испорченная, но несчастья бедняжку не оставляли. Много раз еще приходила она к колдунье: то видеть перестанет, то слышать, то запахи и цвета пропадут, то есть ничего не может, а то все ест, вплоть до мебели. Страшно сказать, иногда забывала, как и когда нужно женщиной быть. Много у нее уже камешков на шее висело, так что ходила она, сильно вперед наклонившись, и ноги сильно подгибались. Мало того, камешки пришлось подписать, чтобы не попутать и каждый раз все надписи не перечитывать, пока нужный найдешь.

Встретила ее как-то старая знакомая и еле узнала: «Что с тобой приключилось? Ты же у нас на курсе самая счастливая была?». И тут дамочка вспомнила, что со всеми своими

несчастьями она вовсе разучилась быть счастливой, забыла, отчего и когда счастье бывает. Доплелась горемыка до домика колдуньи и стала просить ее Камень счастья сделать, а та в ответ: «Здесь я тебе не помощница. Камень этот только на Синай – горе добыть можно в Тридевятиом царстве». Решила мадам, во что бы то ни стало Камень счастья раздобыть и, хоть другие камни ее шибко вниз тянули, да и здоровье было не очень, все же отправилась в путь. А идти надо было непременно пешком, да семь железных сапог износить. Благо, сапоги были китайские, дорога короче оказалась. Но дойти еще полдела – надо ж на гору влезть! Повстречалась ей у подножия старушка – седенькая, худенькая, одни кости да мудрость, аж светится.

– Ты почто, сердешная, на гору лезешь?

– За счастьем, бабушка.

– А велико ли счастье, да в чем оно?

– Размером вот с камешек, да и само – камень.

– Ой, беда! Обманули тебя, горемычную! У тебя вон сколь камней, еле идешь, а счастья, как видно, нет. Не ходи ты туда, пропадешь, да и камни свои скидывай, все полегче станет. А я тебе молочка дам, козьего.

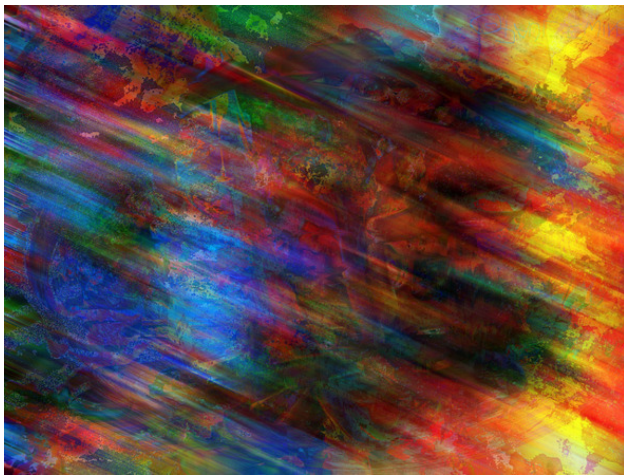
Только мадам ни в какую: «Что же я, зря такой путь прошла? Влезу на гору и буду счастлива всю оставшуюся жизнь!». Поуговаривала – поуговаривала её старушка, да и сгнула, как не бывало, а дама на гору полезла. Семь дней бедолага на карачках вверх лезла, а как долезла, посмотре-

лась и растерялась – какой же из них Камень счастья, когда они все одинаковые. Думала – гадала и решила, что они на волшебной горе все счастливые, а потому выбрала себе камень побольше, чтоб счастья поболее было, взвалила на спину и вниз поковыляла. Только вниз – не на верх, дорога под уклон круто идет и камни с шеи перетягивают. Споткнулась она об кочечку и покатила вниз. А как донизу докатилась, Камень счастья ее догнал и прямешенько в голову угодил. Тут из бедняжки и дух вон.

Давным – давно нет на свете дамочки, а камни её целехоньки, в-о-о-н кучкой на горе и лежат...

2006 г.

Царевна, которая стала лягушкой

Жила-была одна Царевна красоты несказанной, ума необыкновенного. И родители у нее были: мама и папа – Царь с Царицею. Тоже люди неглупые и симпатичные. Воспитание, конечно, Царевне дали царское. Обучили всему, что полагается царской дочке знать. Была она способная, училась прилежно, так что к совершеннолетию умела вести себя по-царски. Царственные мудрые повеления и ответы давать: «Да! Нет! Не позволю! Казнить! Помиловать!». И тому подобное. А если ответа подходящего не было, царственно молчать. Мол, не достойны, плебеи вы несчастные, да-

же взгляда моего. Или брови грозно хмурить. Умела и пройтись с царственной осанкой, и сидеть величественно на троне, сколько этикет требует. Словом, настало время девушку замуж отдавать. Невеста она была видная и богатая, так что женихов набралось порядочно. Один даже приглянулся ей.

Вот тут-то беда и случилась, неожиданно-негаданно. В самый разгар смотрин раздался шум-гром и ворвался прямо в тронную залу Змей Горыныч. Народ попрятался, кто куда мог, а кто не смог, так просто на пол повалился.

– Что же это вы, Ваши величества, так неосторожны, так и убиться можно, – сочувствовал Змей, поднимая царственных родителей, – а у вас, между прочим, товар драгоценный, а у нас купец. Прошу вас выдать за меня дочку вашу – Царевну, потому как я воспылал к ней страстью.

Сказал и огнем дыхнул так, что все занавески, как бумага папиросная, вмиг сгорели.

– Ну, вы как? Даете родительское благословение? – А Царь с Царицей не только слово вымолвить, но и рта раскрыть не могут.

– Вы, я вижу, онемели совсем от счастья, вам время нужно, чтобы опомниться. Я завтра прилечу. Только вот думаю, как бы мне аккуратнее спланировать, чтобы терем царский ненароком не задеть, да еще пару деревень. Сено, я видел, у вас совсем подсохло.

Загоготал он, так что стены затряслись, и улетел, только запах гари остался.

Рыдали много, даже голосили, особенно Царевна. Потом поутихли. Стали рассуждать, что, мол, жизнь, она дороже, что дело молодое, стерпится – слюбится. К том же, жених он богатый, вон, сколько добра нахапал. Сунуться, опять же, к нему никто не решится. Царевна поразмыслив, решила, что это даже лучше, когда у мужа три головы, с какой-нибудь, да договоришься.

Согласие дали и закатили пир на весь мир. Пили – ели, а жених, аж в три глотки. Паркет поломали и разъехались.

Постепенно Царевна к мужу попривыкла, вздрагивать перестала, и дома он редко бывал, все больше по делам. А как появится, какую-нибудь безделицу принесет. Она же и так, как сыр в масле каталась. И все бы хорошо, да пришла беда, откуда не ждали. Был у дракона брат – близнец, из одного яйца с ним на свет появился. Решил он жениться. Взял себе в жены Королеву тоже симпатичную и неглупую. Характер у золовки был спокойный, покладистый. А беда из-за самого деверя, змея проклятого, приключилась.

Жили они по соседству, в гости друг к другу заходили. Вот как-то зашла Царевна к Королеве в гости, а той муж подарок как раз принес – волшебное блюдечко и наливное яблочко. Все в нем было видно, как в самом лучшем телевизоре с самой лучшей спутниковой антенной. Много было у Царевны чудесных вещей, а такой не было. Пришла она домой и тут в первый раз заметила, что с лицом у нее что-то неладное, вроде как позеленела слегка. Слугам взбучку да-

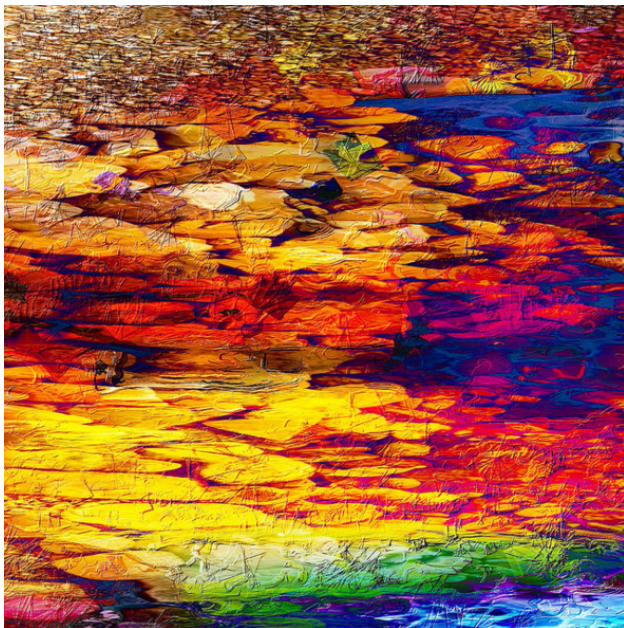
ли, как водится, на конюшне. Зеркало выдраили до блеска, но зеленоватый оттенок все же остался. Все шестеро ушей прожужжала Царевна мужу, спать всю ночь не давала, только он все одно твердил, что не может ей блюдечка достать, потому как оно одно на всем белом свете. Утром слуги, как Царевну узрели, вмиг попрятались, поняли, что им от такой зелени зеркало век не очистить. А она, как свое отражение увидела, так еще и волдырями покрылась от злости. Зеркала все перебила и у себя в покоях заперлась. Змей ей и сапоги – скороходы, и скатерть – самобранку принес, а она только кричит не своим голосом, аж шея раздувается. Приводил муж к ней и свою давнюю приятельницу Бабу – Ягу. Только и она ничего сделать не смогла. Царевна с каждым днем все зеленей и пупырчатей становилась. Постепенно разговаривать перестала, только шею раздувала и квакала. Так Царевна окончательно превратилась в лягушку.

Горыныч за женой ухаживал – мух, комаров приносил, корыто с водой поставил, каждый день с ней разговаривал. Но потом все реже и реже стал в её покои заглядывать. Мужчина он был молодой, в полном расцвете сил, всего триста лет недавно стукнуло. И присмотрел себе невесту – Царевну Несмеяну. Такая видно у него судьба была, не везло ему на невест. Но змей, как и все мы, надеялся на лучшее. Да и где же их, невест царских, наберешься? А лягушку он перед свадьбой отнес подальше, на болото. И еды полно, и жильем обеспечена. Осталась Царевна – лягушка на болоте од-

на – одинешенька. Хотела было жалобно заквакать, но тут возле нее стрела упала, она ее подняла и стала рассматривать. Тогда-то ее и нашел Иван – царевич, но это уже совсем другая сказка...

2006 г.

О Несчастном Ване и Добром человеке

Жил-был Несчастный Ваня. Вернее сказать, сначала он был просто Ваня. Родился, научился ходить, говорить, ложку держать. Это потом несчастья начались. Выяснилось в одночасье – ложку он держит не так, и гости его засмеяли. Он тогда есть стал потихоньку, в закутке, чтоб никто не видел.

Потом в школе так хорошо объяснили, что говорит он не то и не так, что парень заикаться начал и говорить стал, как можно меньше. А как женился, узнал, что и ходит он не туда – надо направо, а он налево. Но даже когда он только направо ходить стал, лучше не стало, потому как ходил он не так. Ваня совсем есть, говорить, а главное, ходить перестал. Сидит сиднем и все. Жена с тещей его бросили, и он вообще одичал. Оголодал, оброс, даже как будто мхом слегка покрылся и в скамеечку свою вращаться начал.

Шел мимо Добрый человек, видит, что-то торчит из земли – пень – не пень, бревно – не бревно. Подошел поближе, присмотрелся, а ОНО живое, глазами моргает. Добрый человек и спрашивает: «Ты кто?». Ваня только мычит и моргает.

– Не бойся, говори, я тебя не обижу.

– А м-м-м-можно?

– Можно – можно!

– А как можно?

– А как хочешь!

– А я забыл, как хочу.

– Ты начни помаленьку, там вспомнишь.

Рассказал Ваня Доброму человеку, все как было, тот и говорит:

– Так ты голодный поди, Несчастный Ваня? Вставай-ка, да иди, поешь.

– А как вставать?

– Да, как получится?

– А где поесть?

– Да, Вон там.

Встал Ваня и, вот чудо, пошел, дошел до Вон там и поел. Вернулся к лавочке, а Добрый человек его дожидается.

– Что ж ты, Ваня, вернулся?

– Не знаю я, куда еще можно идти.

– Хоть куда: и Вон туда, и Вон сюда.

Стал Ваня ходить Вон туда, Вон сюда, Вон там. Постригся, похорошел. Кушает, как хочет, говорит, что хочет и совсем не заикается.

Много ли мало ли времени прошло, только шел мимо скамеечки Ваниной Добрый человек. Глядь, а Ваня снова там сидит, причесанный, умытый, но какой-то невеселый.

– Почто, Ваня, на лавочке сидишь, почто невесело глядишь, не летаешь соколом Туда, Сюда?

– А что я Там не видал? И Там всё видел, и Сям все знаю.

– Ой, ли? Вон где, за углом, пиво свежее.

– Не хочу пива, меня от него пучит.

– А Вон тут баранина жареная – объеденье!

– На что она мне? Я здесь хлеба с маслом поем, оно и ладно.

– А Вона где девки в красных сарафанах песни поют, зывают.

– Не нужны они мне. Я еще жену с тещей забыть не могу, все вздрагиваю.

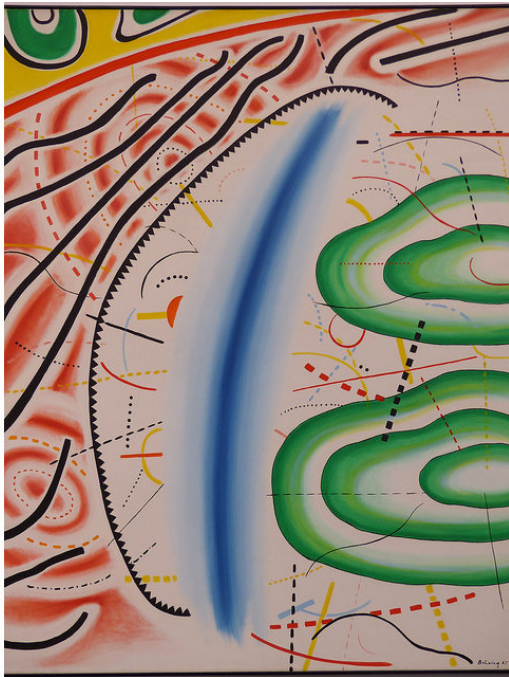
Поуговаривал его еще маленько Добрый человек да даль-

ше пошел, дела, видать, у него были.

Много ли – мало ли времени прошло, возвращался Добрый человек той же дорогой. Видит, на том месте, где раньше Несчастный Ваня сидел, не то пень, не то колода. Подошёл, присмотрелся, пихнул ногой, оказалось, пень трухлявый. От пинка он весь и развалился. Так умер Несчастный Ваня. А лет ему было всего...

2007 г.

Сказка про белого бычка, или О том, что мечтать вредно

Одна Принцесса очень хотела стать Королевой. Ну, очень-очень! Только, как известно, королевой можно стать, когда мамка, папка и братья помрут. Братьев у нее, слава богу,

не было, папка помер давно, а вот мамка была – вдовствующая Королева. Потому Принцессу советь мучила, что, вроде как, смерти мамкиной желает, хотя мамку она очень любила. Тут мамка заболела и срочно померла и Принцессино желание исполнилось. Но ее чувство вины очень мучило – вдруг мамкину смерть ее желание власти приблизило (книжек умных начиталась по психологии царствования) – и радоваться в полную силу она не могла. Вот и мучилась бедняжка. Хотя дело свое королевское знала туго и постепенно втянулась, горевать забыла – все дела, да дела.

Однако, беда никогда, как известно, не приходит одна. Девушкой (или не девушкой) Принцесса была в самом соку и мужчины ее своим вниманием баловали, не только из-за сану её королевского, а и по другим поводам: и фигуристая, и лицом недурна, и шуточку отпустить может к слову, одевалась со вкусом, хоризма, опять же, имелась. Принцесса ханжой не была, что было и с кем было – все само собой разумелось. В общем. Погода была ужасная, Принцесса была прекрасная и она заблудилась в лесу. Да-да, не смейтесь, но так оно и было. Набрела в жуткую непогоду на шалашик и укрылась от дождичка. Хозяина на месте не было, вернулся погода, оказался Лесником, приятным таким мужчиной. Телом крепок, собой хорошо, не многословен. Дров нарубил, воды наносил, кашу сварил, ну, и чего там еще ночью в шалаше нужно, все как следует справил. Утром Премьер – министр Принцессу отыскал, во дворец доставил, Леснику зо-

лотой за труды оставил. Казалось, все хорошо, все довольны. Ан, нет, с Принцессой (то бишь, с Королевой молодой) беда. И вот почему. Жила – то она бедняжка до сих пор во дворце, отродясь не видала, чтобы кто из мужчин какую работу руками делал, и не руками тоже не особо получалось, кроме языка, разговоров, в смысле. Потому Лесник поразил её в самое дамское сердце. Оно бы и ладно, поразил и поразил. Перевели бы в постельничие или она романтично к нему по тропинке проторенной в шалаш наведывалась. Не тут-то было! Решила Принцесса, что не так жила до сих пор, не о том мечтала, не те цели ставила. Надо жить в простоте, своими руками хлеб добывать и природе вокруг себя радоваться, и простого мужчину в шалаше любить. В том и назначение человека, а не в суете власти. Девушка она была решительная, цели-мечты решительно поменяла, от трона отреклась в пользу Премьер-министра и в шалашик к Леснику жить ушла.

О-о-о-х! Печку топила, кашу варила, белье стирала – все с королевским спокойствием, любому зайцу или ягодам-грибам, что Лесничий приносил, радовалась, как победе в походе против иноземных государей. Только он не часто приносил, все больше ее по ноге гладил, а питались на побрякушки Принцессины, в ломбард заложенные. На эти же денежки он ей и королевские подарки делал, а она радовалась, как дитя.

Как-то ушел он на охоту, и долго его не было. Принцесса извелась вся – как бы зверь дикий не загрыз. Молитвы молила, гаданья гадала, аукать ходила – ничего не помог-

ло, не вернулся. Простилась она с ним, решила, за мамку это ей наказание, за то, что при живой матери хотела королевой стать. Посидела-посидела в шалаше одна и решила на царствование вернуться, но не вышло, Премьер ее на порог не пустил, обещал собаками затравить, если не уйдет. Она и ушла, не из-за собак, конечно, они бы ее не тронули, знали – потому. Но, талант и кровь королевскую, их в шалаше не проживешь, в лесу не зароешь. Потому, устроилась Принцесса управляющей в знакомом королевстве, потом себе земли прикупила и новое королевство сделала.

Тут бы сказку о Принцессе хорошо закончить, но не получится, потому как Лесничий возьми, да и объявись. С три короба наплел про то, как его разбойники лесные в плен взяли и всячески там эксплуатировали, а он сбежал, к ней, любимой, устремился и ее достиг. Про Белого бычка сказку все знают, потому, сказывать ее не буду, только Принцесса еще пару раз с Лесничим в эту сказку сыграла.

Жила она долго и до глубокой старости все думала: или любовь зла, или охота всегда, чего не пробовала, или мечтать вредно... А вы как думаете?

2015 г.

Любовь и счастливый брак

Одна Нимфа влюбилась в Эхо. То ли не объяснил ей никто про гермафродитов, то ли любовь зла, но случилось. Переехала из лесного ручья в горный, поближе к любимому, и зажили. Место пустынное, никто семейному счастью не мешал. Проснется утром, окликнет:

– Эхо?

– Хо-хо-хо, – смешливо откликается то.

– Ты меня любишь?

– Любишь – любишь!

Теперь уже она счастливо засмеётся, а Эхо вторит. Только счастье всегда коротко. Пришли на их гору туристы – альпинисты, остановились у ручья напиться. Попили, умы-

лись, разлеглись, разбрелись, тут она, разлучница, от полноты чувств и крикнула: «Эй!». Эхо, конечно, отозвалось. Девушке понравилось – весело отвечает, складно, и голос приятный. Ну, поговорили и поговорили, только девица возьми, да и спроси напоследок: «Я тебе нравлюсь?». Ответ, ясно какой. Ей бы уняться, а она в раж вошла: «Может, ты меня любишь?». Э-э-э-э-х!..

Они-то ушли, а Эхо с Нимфой осталось. С этого дня кончилась у них счастливая жизнь. Денно, а иногда и ночью, «ела» Нимфу ревность, а она «ела» Эхо. Ела, пилила, сверлила... Напрасно Эхо оправдывалось, что у него натура такая, никак по-другому невозможно, и что любит только Нимфу одну – ничего не помогало. Страдалицо подвывало шакалам, подухивало филинам, от отчаяния хотело бежать, куда глаза глядят, да из своего жилья кто ж уйдет, и идти особо некуда, внизу ровная долина, дальше город – места для проживания Эха непригодные.

Прослышала про ту беду мамаша Нимфина, как не узнать, эхо далеко, быстро разносится, слухи-сплетни еще дальше и быстрее. Прибыла она в гости к молодым, стала Нимфу увещевать, что с мужем надо ладить, а то разговоры разные кругом и все такое. Нимфа только слезами заливается так, что ручей из берегов выходит. Тогда родительница достала из сумочки фигурку мандарина китайского, поставила на камешек и тот мелко, согласно закивал головой. Красивая была вещица, возможно, даже фарфоровая, расписана золо-

том и лазурью. «Вот, – говорит Нимфомать, – тебе новый жених, он-то никогда тебе не изменит, а если разлучница какая на горизонте замаячит, ты его под камень спрячь, главное, на бочок положи, и вся недолга».

– Так он же не говорит ничего, – толкует дочка, а сама глядит на кивающего красавца зачарованно.

– Оно и хорошо, а то мало ли что брякнет. Мужчина он положительный, покладистый и собой хорош. Спроси его, что хочешь.

– Я вам нравлюсь, – стыдливо проворковала Нимфа. Мандарин, само-собой, кивает и улыбается приветливо.

– Может, вы меня полюбить успели? – китаец опять мelenько поддакивает.

И снова зажила Нимфа счастливо в браке. Вот, что значит жизненный опыт, мать плохого не посоветует. У Эха тоже все наладилось – подвывать ночами перестало, перебралось повыше в горы, чтобы молодоженам не мешать.

Есть, значит, на свете любовь и браки счастливые.

2015 г.

Красота несказанная

Жил да был один Богатырь. Происходил он из богатырей, из семьи военных, значит. Династию не подвел, пошел по пути богатырскому, карьере сделал. А вот с женитьбой не заладилось. Должно, прав был папа богатыря, когда маму упрекал, что она голову парню заморочила всякими книжками не нужными. Скорее всего, так и было, мамаша у него учительницей литературы была.

Дело вот в чем. Решил Богатырь жениться только на Самой умной, Самой доброй, на Самой – Самой красивой. Много девушек он встречал и умных, и добрых, и красивых, но чтобы все сразу, да еще красота самая-самая, не случа-

лось. Возрастом уже был не юноша и как муж проблему свою понимал, потому, порешил решительно её решить. Кто Богатырю в сказке помощник, вернее, помощница? Правильно, ведьма, она же мать ведающая, она же его собственная мать, женщина очень начитанная, информированная. Поведала ведьма сыну, что живет, мол, за семью горами, за семью лесами, за семью морями девица – умна-а-ая, душе-е-евная, главное, красоты несказанной. Только похитил её, как водится, злой Змей Горыныч и в башне заточил, потому, как она замуж за него не идет. Который Богатырь Красоту несказанную освободит, тот и женится. Войны о ту пору, слава Богу, не было, отпуск очередной подошел у воина, да отгулы поднакопились. Получил он отпускные, благословение от мамыши, оседлал добра коня и в путь.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, пока все три раза по семь обошел Богатырь, седина ему в бороду ударила, а бес, соответственно, в ребро угодил. Оно и вовремя: и жениться крайний срок, и до башни заветной дошел. Глянул вверх и присвистнул. Посмотрел на коня богатырского, мол, как, возьмем высоту? Конь тоже присвистнул и копытом у виска покрутил, кто ж в таком возрасте в олимпиадах участвует? Ох! Охота пуще неволи! До оконца заветного не допрыгнуть, а девицу добывать надо. Решил воин не ловкостью, так хитростью своё взять. Денежек немножко осталось, смотался в соседний шинок, купил две четверти чистейшего самогону и постучал в дверь к Горынычу реши-

тельно. Горыныч дома бездельем маялся, ему что пить, что драться – все однова. Богатырь предложил тяпнуть, по-дружески, за знакомство. После первой четверти побратались, после второй Змей побратиму ключи от башни отдал. Тот спьяну ничего не заподозрил. Хотел было за мечтой своей бечь, да посчитал неудобным в таком виде знакомиться, воспитание имел все-же. Утром, умылся, побрился, анису пожевал, пошел. К концу винтовой лестницы семь потов сошло, но на то богатырь – дошел. Ключиком повозил, замок поскрипел, шелкнул. Постучал для приличия – вошел. Снова сопрел, теперь от волнения – как-то его Красота несказанная примет?

Сказку сказываю не страшную, потому следующую сцену опушу, да и статус богатырский занижать не хочется. Натерпелся он, конечно, но справился. Красота – то несказанная в башне без малого тридцать лет сидела, и заключил её змей перестаркой, лет двадцати, плюс отсутствие воздуха свежего, гиподинамия, неправильное питание, климакс подкрался незаметно.

М-да-а... Крепкий парень Богатырь! Но ловкость былую утратил, тоже не мальчик, едва успел дверь снова запереть, как очухался, а то был бы сейчас женат на Красоте – несказанной. Спустился, Змей ему чарку подает. Знал подлец, чем смертушку свою отвести. А уж как отошел парень, сказал: «Ты бы мне всё одно не поверил, брательник!». Приняли побратимы еще полведра и тронулся наш герой в обратный

путь. По дороге домой женился на славной девушке – коса до колен, кровь с молоком. Старенькие его родители рады были почти до смерти (возраст все же), они уже его и не чаяли живым увидеть. Девушка попалась покладистая, без глупостей новомодных, родила им внучка, потом внучку. Дети росли здоровыми, смышлеными, голову им родители книжными премудростями всякими не забивали, потому ни о какой Красоте несказанной и подвигах богатырских знать ничего не знали, ведать не ведали. Учились себе на менеджеров вполне успешно.

А как же Красота несказанная? Много Змей еще самогону выпил, много ни за что ни про что богатырей разбило, но, знать судьба её такая – век одной вековать. Жива ли, нет ли, не знаю. Может долгожительница, а может просто легенда до сих пор богатырям покоя не дает.

2015 г.

Сказка про пони, которая думала, что она лошадь

Жила-была одна пони. Веселая, смышленная, крепкая, работающая. Был у нее, правда, небольшой недостаток – она думала, что она лошадь. Но кто из нас без недостатков? К тому же, это никому, кроме нее, неудобств не доставляло. Может, у нее комплекс неполноценности был из-за малого ро-

ста, может, мама была авторитарная очень, только считала пони себя лошадю и все тут. Еще одна деталька – лошадю свадебной. Шея и голова всегда в лентах, а зад, извиняюсь, в мыле. Раз пони – лошадь, то и работала как лошадь. Гордилась успехами в нелегком лошадином труде, родных и близких им радовала, да обеспечивала.

Много ли мало ли времени прошло, только век лошадиный короток, стала пони уставать, лошадиную норму с трудом вырабатывать. И еще – то копыта заноят, то хребет заломит, то хомут шею натрет. Не помогала ей мазь «Лошадиная сила», то ли мазь не очень, то ли именно на лошадей рассчитана, а пони не подходит. Пробовала травки разные на лугу специальные есть, лечебные, но лишь зубы оставшиеся, до корней стерла. Пробовала голоданием лечиться – зубов то все одно нет – хуже стало, полнормы лошадиной сделать не могла, с голодухи ноги подкашивались и в глазах темнело. Ходила к Бабе Яге в избушку, не убоившись волков, чтобы та заговор какой почитала. Яга пошептала, на день-другой полегчало, даже норму сделала и на конюшню к вечеру жеребенком прискакала, а утром уже не поднялась. Вызвали ветеринара. Он поставил диагноз быстро: старость пони, полный износ понячьего организма, к работе не пригодна, списать. Первым делом, в диагнозе пони возмутили определения «износ пони» и «понячьего», а уже потом «списать». «Это какой такой пони? Может, он анализы перепутал или ему очки сменить надо? Лошадь от пони отличить не в состоянии! Са-

мого его надо списать!» – бушевала пони. Но доктора оставили работать, ему еще три года до пенсии оставалось, а пони списали. На мясо она не годилась, зерна ей не полагалось, да и зубов не было, отправили на свободный выпас – может какой мох мягонький пожует, тем и прокормится, все одно, долго не протянет.

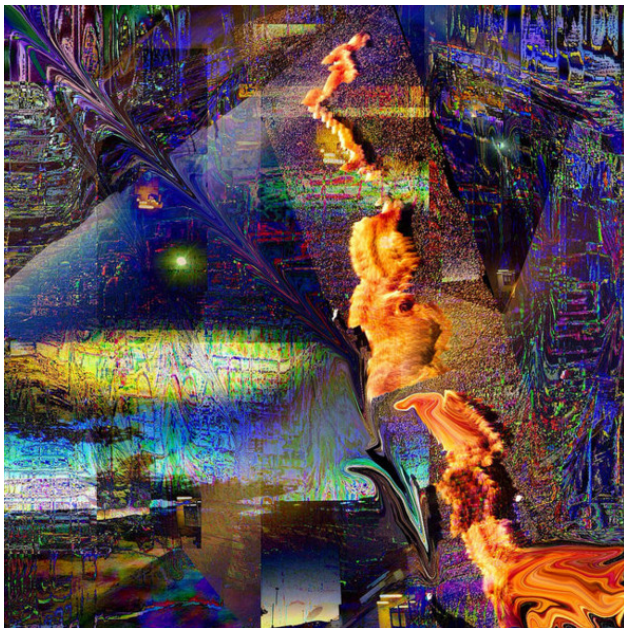
Жеребята её давно выросли и превратились в крепких пони, недостатков мамкиных не унаследовали, лошадьми себя не считали, занимались пониной работой – один детей по набережной катал, другая в зоопарке служила – для демонстрации, третья выбилась в артистки, в цирке выступала. Никто телеги с грузом не таскал, мешки да тюки на загривке не перевозил, жернова не крутил – прошлый век, теперь пони так не работают. На зерно и сено им хватало, на жизнь не жаловались. Над материнским пунктиком про лошадь посмеивались. Вернее, это они теперь посмеивались, а пока пони еще не списали, они эту идею очень поддерживали: «Да, мать, ты у нас отличная лошадь, крепкая, тяжеловоз!» Теперь шутили: «Ну, что, старая кобыла, зубы на полку и с конюшни вон?». Пони говорила, что она сама ушла, на волю давно хотелось – в ночное ходить, на звезды смотреть и все такое. Что голодает, мох жевать не может, мерзнет холодными зимами в поле, молчала, заводилась только, когда вспоминала, что списали её не как лошадь, а как пони.

Когда пони умерла, дети поделили между собой все, что от неё осталось: шкуру, кости и копыта. На могилке плака-

ли и решили поставить памятник. Скинулись и поставили. Надпись написали прочувствованную: «Здесь покоится Лошадь (маленькая)».

2015 г.

Русалочка – новая сказка со старым названием

Интересно, если бы русалки появлялись из икринок, сколько бы их было? Стаи русалочьих мальков сновали бы по мелководью, грелись на солнышке, распевая на все голоса. Шустрейшие мальчишки ловили бы их сачками, опускали в полиэтиленовые пакеты с водой и тащили домой. До-

ма мамки и бабки ворчали бы на них: «Зачем ты эту пакость опять домой приволок? Ни на уху, ни на жареху. Да еще спать всю ночь не дают – песни орут. Неси обратно, да не вздумай за баней в бочку с водой вылить, как в прошлом году. А то соседи точно баню подожгут за их концерты ночные. Или того хуже. Вон, у Васенькиных Петька пустил такую малютку в чан на огороде, а она к осени выросла и Васенькина старшего из семьи увела». «Бабань, у неё же ног нет». «На что ей ноги, её Васька на руках на дальнее озеро отнес и сам за ей нырнул. Теперь семья без кормильца. Ишь, слушают, сучки патлатые, глазенками зыркают. Маленькие, а уже все понимают. Отнеси ты их от греха подальше и не таскай больше в дом!». Мальчишка взял бы пакетик, тяжело вздохнул и поплелся к реке, следом за другими пацанами с такой же ношей. Ему еще повезло, что бабанька сегодня добрая, а Митьку мамка уши так надрала, что они в темноте светятся.

К речке бы подкрадывались тишком, быстро сливали русалочьих мальков в воду и бегом, со всех ног, домой. Страшно! Русалки у самого берега плавают, ребятишек своих кличут, могут запросто схватить и за собой на дно утянуть. А что там – неизвестно, потому как оттуда никто не возвращался. Рассказывают всякое, но доподлинно никто не знает. Хотя Петька Васенькин божился, что батьку своего видел на дальнем озере, толковал с ним. Тот плакал, говорил, что скучает по нему с мамкой, но Русалку свою любит до смерти и уйти

от нее не может. Что там, в озере, жизнь хорошая, интересная и страшного на дне ничего нет. На русалок наговаривают лишнего, а они добрые. Ругаются на них бабы за то, что они мужиков уводят, но русалок тоже понять можно, у них только девочки рождаются, потому и русалов в природе не существует. Вот и завлекают мужиков деревенских. Детишек человеческих они не обижают, так, пугают, чтобы мальков не ловили, а если тонут малыши, стараются спасти. Бабы же их всяко срамят, коромыслом при случае бьют, детей ими пугают.

Интересно, что было бы, если бы, русалки дружили с людьми? Как бы весело было! Днем они помогали бы бабам полоскать белье, а бабы приносили маленьким русалочкам ватрушки. По вечерам пели б хором протяжно-жалобные любовные песни, костерили мужиков, покрикивали на детей, обсуждали фасоны причесок. Бабы дарили бы русалкам луковую шелуху – волосы полоскать, а русалки им жемчуг речной на бусы. И браки бы были смешанные – русалочье – человечьи.

«Плохо в этом годе с рожью, – сплетничали бы бабы, – как зиму переживем? Вон, Петька Васенькин женился на русалке, так матери уже полный амбар ламинарии на зиму заготовил. Жемчугу подсобирал в заначку». «Это когда как, – встряла бы другая бабочка, – по тому лету вся ламинария у их пропала на жаре, так Петька туда всю зиму муку таскал». «Ах, ты ж язва! Что ж яму жену с детишками голодом помо-

ритель?! Как жемчуг, так дай, а как имя жрать неча, так морду в сторону!». «Да, я чо, я ничо!», – оправдывалась бы баба.

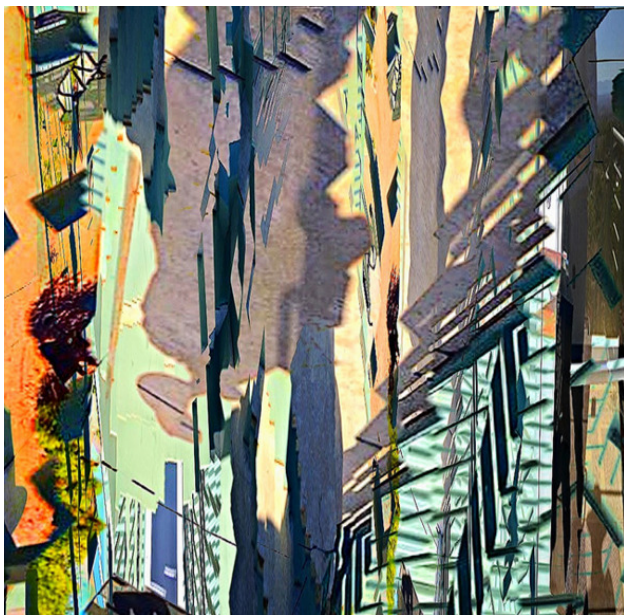
Интересно, если бы среди русалок водились русалы, как бы к ним бабы деревенские относились? Пошли бабы вечером, после сенокоса, на речку купаться, а русалы их в камышах поджидают. Волосы по плечам широким стекают, борода кольцами, на три голоса страдания поют. Какая зазевалась, увлеклась вокалом, нырнула вслед за русалом. Шум, визг, бабы на берег, юбки в руки и в исподнем к деревне, по домам. Дома своим мужикам про... бирон: «Есть ли у нас еще мужики, али нет? Ишь, русалы распоясались, скоро всех баб к себе перетаскают, вам и дела нет!». «Вас и таскать не надо – сами мыряете, – отбиваются мужики, – рады – радешеньки за кудри на всех местах подержаться». «Кабы только за кудри, так неча нырять», – язвили бы бабы.

Интересно, а если бы среди русалок появилась Та самая Русалочка, женился бы на ней принц или нет? Бросил бы его революционный матрос Железняк в воду, а Русалочка спасла. Злобная, жадная, стареющая бизнес-вумен присвоила, отреченного от престола принца, и на себе женила. Русалочка ни травить, ни убивать, ни воровать, ни убежать – не умеет. Принц вовсе брутальности лишен. Посмотрели бы деревенские бабы про это сериал, поплакали, собрались у колодца и порешили: принца украсть, привести к Русалочке, вуменше шары повыжечь, новой паре всем миром хату выстроить, с бассейном (кто знает, какие дети народятся). Я ду-

маю, у них бы все получилось – у баб, соответственно, и у Русалочки с Принцем. Все же, в некоторых смыслах Октябрьская революция принесла пользу – больше сказок с хорошим концом.

Май 2015 г.

Сказка о малиновом звоне

Было это во времена, когда еще не только радио не было, но даже о патефоне никто слыхом не слыхал. Хорошее было время, все сами пели по любому поводу и при любой необходимости. Бросил любимый, запела любовную страдательную: «Тут не одна трава помята – помята девичья душа». Ходит он, подлец, налево – частушечку ему в самую селе-

зенку: «А мне милый изменил, а я не опешила, в переулочке догнала, и п... инков навешала!». Ушла ненаглядная из жизни: «Не житье мне здесь без милой, с кем пойду, я ко венцу?.. То мое сердечко стонет, то душа моя болит...». Смотрит любя на другого: «Я свою милку посажу на вилку, ножик ей приставлю, танцевать заставлю». Весело, ладно живут: «Мой муж – арбуз, а его дыня, напьюсь, повалюсь, он меня подымет». Забрала парня война: «Полети ты, черный ворон, к родной матушке моей...». Заболел: «Уйди хворь, тоска, кручина во сыру землю». Нет писем, нет дождя... Умели люди и душу облегчить, и ситуацию поправить, природой и погодой, жизнью своей управлять.

Неладное случилось, когда пошли Иван да Марья в лес, за малиной. Пошли и заблудились. Бродили-бродили, дело к вечеру, вроде мелькнет место знакомое, вот выйдут, ан, нет, снова леший завернет. Солнце садилось, сырость ложилась, да туман так нехорошо за клубился. Уже и филин похотывал, и мыши летучие мелькали, когда Марья оступилась, покатила в овражек и Ивана за собой потянула. Овражек глубоконый оказался, ежевика по краям колючая, пока донизу докатились, в кровь ободрались. Полежали, колючки вынули, на царапины друг другу подули и пошли наверх выбираться. Шли в темноте, молитву читали, нечистого отвести. Христом Богом вышли. Видят, что-то в темноте светится, неужто волки? Побежали в другую сторону, и там то же. Решили, будь – что будет, помолились, стали смерти лютой,

неминуемой ждать. А она не идет. Что за чудо? Замерли волки со всех сторон и ни на шаг – ни назад ни вперед. Ребята они были отчаянные, решили сами идти – все лучше, чем в страхе мучиться. Только, чем ближе к огням подходили, тем они больше становились, а волков не видно. Что за диво? Долго ли, коротко ли, вышли на дорогу. Дорога асфальтированная, фонари электрические. Но они-то об этом не знали, потому как, отродясь не видали. Потряслись, молитву пошептали и пошли по шоссе. Дорога – она везде дорога, сама приведет куда-нибудь. Она и привела, в стольный град какой-то. Шум, как на ристалище, вонища, как на капище, суета, как в судный день.

– Выходит, Машенька, умерли мы с тобой?

– Отчего же в Ад нас, Иванушка? Неужто так грешны? Плачет захмарено небо! Плач душа – плач мое сердце! – запричитала Марьюшка.

– Что ты, Маш, сама по себе плачешь?

– По нам, – шмыгнула носом дева.

– Зачем? О нас родные поплачут. Мы с тобой тут вместе, а они там одни, без нас.

– И то верно. Значит, не совсем пропащие, раз вместе разрешили.

Не стану рассказывать, чему дивились, чего пугались, о том много писано. Скажу, как из беды выручались. Посидели, порядили и порешили, что хоть и померли, хоть и в Аду, а жить как-то надо и с чертями ладить. С чертями трудней

всего. Дома-то считаешь заговор от нечисти всякой, она и сгинет, запоешь песенку, домово́й заслушается, глядишь, и в дому ладно. А эти – и не глухие вроде, и слова русские понимают, а не понимают.

Поселились Иван да Марья в маленькой комнате, в цокольном этаже огромного дома, похожем на муравейник. Черти им выделили комнатку, метелки, шланг для полива, лопаты, снег сгребать, и бумажек цветных немножко (они их «деньгами» называли). В «муравейнике» этом и жили черти, как муравьи, не только в смысле скученности, но и в смысле распорядка. Одни, как трутни, другие, как солдаты, третьи, как королевы. Работа же основная у бесов, известно, – мучить. Одни детишек в школах мучали, другие народ на заводах непосильным трудом, третьи химической едой грешников травили. Нашим героям самое легкое мучение досталось, не зря Маша говорила, что они не совсем пропащие. А, может, не понимали бесы, что работа для них не наказание, думали, что мусор убирать – самое большое унижение. Иван же, напротив, считал, чем чище кругом, благодаря его стараниям становится, тем ему лучше. И землю они с женой любили, цветочков кругом насадили, хотя в адском пекле те росли плохо, и тротуар с радостью мыли из шланга, дивясь, что за земля такая твердая, видно спеклась совсем.

С бумажками этими – деньгами, совсем неладно было. Не потому, что как большинству, денежек не хватало, им-

то как раз хватало, запросы небольшие, а потому, что бесовские фантики мучения людей и грехи вокруг множили. Положит Маша деньги в кошелек на столе, а к ней соседка зайдет: «Что это ты, Маня, ценности открыто так, небрежно хранишь?». «Да какие ж это ценности», – улыбнется Марья, – вот я тебе песню сейчас спою, истинно яхонт. И заведет: «То не ветер вербу клонит, не дубравушка шумит, то мое сердечко стонет, то душа моя болит». Соседка слезинку смахнет, тушь подотрет, повздыхает и уйдет. Глянь, а бумажек-то нет! Вот бесовская сила! Или нечистый за песню мстит или он же соблазнил соседку бумажкой, чтобы Машин яхонт не взяла.

Ваня, грешным делом, под влияние попал, так его муравьи, то есть грешники, измучили. Вымоет он тротуар раненько с утречка водичкой, чтобы не так адским жаром пекло и дышать полегче было, сядет на скамеечку отдохнуть и видит, что бесы и грешники на асфальт плюют и папироски бросают, порыхлит землю вокруг чахлах цветочков, а Цербер из восьмой квартиры их ядовитой мочой обольет, а то и чем похуже. Сгребет весь хлам да сор в бак, заметет аккуратненько, отвернется пот со лба утереть, смотрит – все снова кругом валяется. Пробовал он их усовершенствовать, пел про «Родную сторонку» мою! Да, куда там! Потому и в Аду, что совести нет. Вот и стал дворник Иван злые частушки петь, не то, чтобы злые, но язвительные, а грешникам хоть бы что, только похохатывают, да подначивают,

чтоб еще спел. Чертовщина – одно слово. Иван даже разговаривать стал частушечным слогом: «Обана, да обана, во дворе все сметено, не сметёно под кустом, но и там мы подметём». Шел как-то мимо Важный черт – штанишки узенькие, короткие, рубашечка в облипочку, морда в шерстях, руки в перстнях – услышал дворниково пение, остановился: «Да ты рэпер, Ванька!» «Отродясь ничего не пер, у нас, вон, без конца что-то прут», – обиделся Иван. «Я не про то. Спой еще что-нибудь». И тут страдальца прорвало, выдал он все, что на душе наболело, частушечкой с крепким словцом, да и какая частушка без него. Тут ему полегчало и запел он песню любимую, какую давно не пел: «Шумел камыш, деревья гнулись...», – хорошо запел, душевно. Бес из стопора послечастушечного разом вышел, заморщило его, заколбасило: «Стой-стой! Вот этого не надо! Ты, Ваня, фартук сними, метлу оставь, мы с тобой к Главному поедем». Испугался Ванечка, что за песни его с Манечкой разлучат, кинулся прощаться с ней. Обнялись, поплакали и... решили не отпускать друг друга, будь что будет. Важный на удивление легко согласился. Посадил их в шарабан железный, вонючий, и куда-то потащил. Притащил в большой, блестящий муравейник, усадил в какой-то комнате и велел ждать. Много ли, мало ли времени прошло, зовет он их. Как вошли, увидели множество чертей, но Главного сразу определили. Снова Иван пел частушки, снова забористо, потому как накипело задолго, бесы хохотали, в ладоши хлопали. Потом стали

что-то лопотать, видно по-бесовски, потому Иван ни черта не понял. Понял только, что сарафан Машин и рубаха его расшитая им нравится, а за частушки не сердятся. И все хотят от него чего-то, а чего – не ясно. Тогда Важный Главному говорит по-русски:

– Давай я попробую. Ты, Ваня, будешь петь рэп – частушки свои, – а мы тебе за это будем давать много денег.

– Бумажки что ли эти? Зачем они мне? У нас мало и то людей на грех наводят, то попросят на время и не вернут, то утащут. Не-е-ет. Нам не надо. А зачем вам нужно, чтобы я частушки пел? Тут и песня-то хорошая, душевная не помогает, – махнул рукой досадливо.

– Вот, душевное – не надо. А рэп, то есть, частушки, для развлечения, чтоб отдыхали, не думали ни о чем, не заморачивались.

– НЕ думали! – закричал Ваня, – так они и так ни о чем давным-давно не думают. За то и в Аду горят! А от морока их даже муки ваши адские не избавляют, куда уж еще?!

Тут Ивану озарение было, Господь, видно, его наставил.

– Мы, Машенька, сейчас этот чертов вертеп разорим, уничтожим! Вот зачем нас сюда послали.

Бесы забеспокоились, стали тыкать кнопки разные, санитаров и охранников вызывать. Иван заторопился. Поцеловал любу свою в последний раз, взял за руку:

– Давай, Марьюшка, как всегда, вместе.

И дали вместе – чисто, на два голоса: «Богородица Дева,

радуйся!...». Черти запрыгали, как на сковородке, завизжали на своем бесовском, забормотали, потянули копытца к паре поющей. Но тут огонь с небес обрушился и накрыл всех разом.

Очнулись Иван да Марья утром ранним на серебряной росе, на траве-мураве, у околицы родного села. Рядом лукошки с малиной стоят, малиновая заря занимается и звон Малиновый к Заутрене.

Май 2015 г.

Сказка о Юродивом, Убогом и Кликуше

Собрались как-то вместе Юродивый, Кликуша и Убогий и стали друг перед другом рассуждать, кто кого юродивее, кликушее, убожее.

– Я как начну юродствовать, враз все видят – юродивый! Ж-а-а-а-лко им меня дурака, отроду малоумного, подадут

копеечку.

– А я как зачну канючить: «Подайте убогому, неимущему, скудному, нищему, нужному!», – они сразу видят, какие они здоровые, умные и, хоть при каких-то, деньгах, мне пятачок дают.

– Эх, вы! Копеечку, пятачок! Я как начну кликушествовать, неистово в истерике биться, они рады мне рупь серебряный дать, только чтоб с глаз долой или замолк.

Замолчали уважительно Юродивый с Убогим. Потом сообразили мужички на троих и выпили с удовольствием, с удовольствием закусили.

– М-да-а-а, – сказал мечтательно Юродивый, – что те-перешняя копеечка? Вот, раньше, подаст Царь копеечку – неделю сыт.

– Верно-верно, – подхватил Убогий, – еще же себя и виноватым перед тобой чувствует. Не то, что нынешние, ни стыда, ни вины, ни совести. А на пятачок ихний только паленой водки и купишь.

– Потому, кликушествовать – верное дело, – заметил авторитетно Кликуша, – они-ж только бесов и боятся, хоть сами и бесы, в большинстве.

Побеседовали еще немножко душевно за жизнь, завернулись в лохмотья, укрылись пледиками финскими и спать легли.

У кого сон, у кого бессонница. Счастлив убогий да нищий, нет добра и беспокоиться не о чем, а богатому забота, хоть

кликушей кричи. Собрались вместе в ночи три богатых мужика и стали друг другу на жизнь жаловаться.

– Ох! Как бы мне удачненько вложиться на кризисе? Толкал сегодня, как бы, речь в Думе, так один боярин думский кричать стал, как на Вече, что такой, мол, рассякой. Не юродствуй, дескать, Родина в опасности, в трудную годину, враг, то да се.

– Сиры мы да убоги, наги, только о других и печемся, а благодарности ни на грош, – пьяненько залился мужичок в чиновничьем галстуке.

– Ты чо, братан? Не на работе перед телекамерой и камера тебе пока не маячит, – заржал жеребцом крепкий, лысый мужик, – перед вертухаями будешь потом корки мочить. Хотя, меня тебе не переплюнуть. Я нынче на предвыборном митинге в таких припадках бился, Кащенко отдыхает.

Потолковали еще немножко о трудах своих тяжких, девок вызвали, да и «спать» пошли.

Но не только богатые мужики бессоницей маялись. Не спали в квартире одной, малогабаритной, в спальном районе.

– Что за копейки ты мне суешь, убогий! На паперти больше подают. Это тебе за твои два института доплачивают? – юродствовала Жена.

– Зато крест на мне, хоть сир я и наг, а не украл ни у кого и ближнего не обидел, – поскуливал Муж.

– Нашел чем гордиться! – истерично закудахтала Теща. –

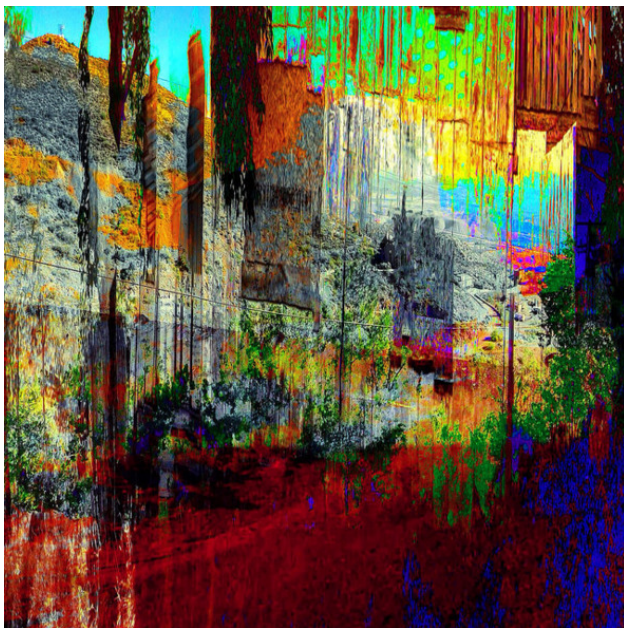
Ты о чем думал, когда женился на красоте такой, примак несчастный! – Так заголосила, что кажись еще миг и упадет да забьётся в падучей.

Поголосили еще маленько, но уже больше для порядку, выпили кто где (Муж в туалете из кальсон чекушку достал, Жена в ванной из аптечки свой НЗ нозепама, Теща у себя в комнатке из тумбочки фунфырик с корвалолом) и спать легли.

Угомонились все, наконец, заснули. Легче и спокойней всех спали Юродивый, Убогий и Кликуша.

2015 г.

Сказка в тепло-коричневых тонах

– Дедушка! Почему здесь так плохо пахнет?

– О! Это очень давняя история! В одной семье родился мальчик...

– Знаю! Знаю! В другой – родилась девочка, а потом они выросли и поженились. Но пахнет здесь противно почему?

– Не было никакой девочки. Я и рассказываю про «пах-

нет». Ты просто не слушаешь.

– Слушаю-слушаю, говори!

– Так вот, в одной семье родился мальчик. Как его звали, уже никто не помнит. Помнят только, что он любил носить все коричневое. Его родители тоже любили пастельные тона, и маме его, рыженькой, теплые, золотистые оттенки визажист советовал, но у Мальчика с коричневым постоянно всякие казусы случались. Нарядятся все мальчишки из класса на Рождество белоснежными ангелами и начнут «Аве Мария» петь, а Мальчик так своими коричневыми крыльями и «коричневым» голосом из хора выделяется, что всякая благодать пропадает. Или придет к самой красивой девочке из класса...

– Ага! Девочка все же была!

– Была и не одна, но они тут ни при чем. М-да, так вот, придет он к ней (такой розовенькой, в розовеньком платьице, с розовеньким бантом) на день рождения, подарит коричневые шоколадные конфеты, сядет в своих коричневых брючках, коричневой рубашечке, коричневых носочках, коричневых ботиночках в самое коричневое креслице и сидит там весь вечер, ни с кем не разговаривает, не танцует, торт не ест. А все мальчишки и девочки в голубом и розовом неловко себя чувствуют, будто что-то не так сделали. Да что там, неловко, прямо скажу – дерьмово себя чувствовали.

Или вот еще, подарят Другому мальчику самолет, машинку радиоуправляемую, все бегают, играют, хвалят да радуют-

ся, а этот Мальчик губки скривит, личико отвернет – сразу видно, что машинка так себе, ничего особенного, и самолетик ему вовсе не интересен. Ребятишки кругом все тише-тише восторгаются, а потом и вовсе поскучнееют и разойдутся. Машинка с самолетиком останутся одиноко на ковре тосковать.

С Дедом Морозом вовсе конфуз вышел, какого не бывало с Начала времен. Пришел он к детям на елку, подарки принёс, сам осанистый, зычный, краснощекий, веселющий. Дети за ним вприпрыжку вокруг елки бегают, песни поют, стихи читают, конфеты из мешка таскают, в игры играют, хохочут. Тут заметил Дед Мороз, что мальчик один сидит в сторонке, на коричневом стульчике, сандаликом бежевым полковыряет. Непорядок.

– Ты почто, мальчик, не играешь, не поешь, конфеты не ешь? Али обидел кто, али хвор?

– Не хочу, – говорит наш Мальчик, – скучно это все, от конфет живот болит, а сам ты – ненастоящий, и борода, и румянец ненастоящие.

Дед даже задохнулся и в самом деле побагровел, так его Мальчик за живое задел.

– Как так, ненастоящий? А я вот тебя заморожу сейчас!

– Не заморозишь, не положено, тебя живо в полицию загребут, а тебе еще за сто Елок вперёд заплачено.

– Ну, тогда... подергай за бороду что ли, борода у меня самая настоящая.

– Ага, нашел дурака! Сейчас такой суперклея делают, топором не отрубишь, на все утренники хватит, хоть с мылом мой!

– А вот подарок тебе, какой ты у меня в письме просил, разве не чудо?

– Подарок тебе мои папка с мамкой в мешок положили, сам видел.

Тут в зале всхлипывания послышались, гомон детский утих. Девочка одна в голос залилась:

– Неужели Дед Мороз ненастоящий, а чудеса как же? А я верила, как дура, что это он мне подарки приносит и на Новый год под елку кладет.

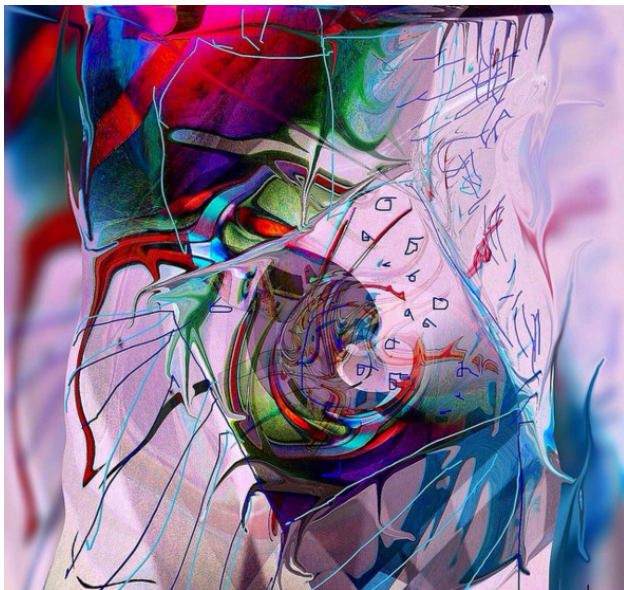
– И я! И я! – тут уже рев со всех сторон разразился.

Дед Мороз и посохом стучал, и елку зажигал «волшебным» способом, и снежинки с потолка сыпал, ничего не помогало. Пришлось Старшей воспитательнице торт ребятишкам пообещать и в столовую их увести. А Дед Мороз исчез потихоньку, от греха подальше, будто его и не было. М-да-а-а... Такая вот история про мальчика в коричневом. Прямо в этой комнате и случилась.

– Дедушка, а воняет-то чем?

– А? Воняет? Так это не добежал кто-то до двери с двумя ноликами, живот прихватило. В тот самый раз, от конфет, или еще когда, не помню.

Сказка о мужчинах в интересном положении

Гулял по скверу бо-о-о-ольшой Мужчина с ма-а-а-аленькой Собачкой. Гулял и тоскливо посматривал то на Собачку, то на свой живот, в котором помещалось еще штук пять-шесть таких же маленьких собачек, вот-вот готовых появиться на свет. «Вот дурак так дурак! – думал про себя мужчина, а может и покрепче какие слова думал. – Зачем

пить бросил?! Стоял бы сейчас, без проблем, возле пивного ларька. Живот бы был „пивной“, сбегал за угол – полегчало, и никаких проблем с ним, а тут...» Мужчина снова глянул на живот, на этот раз злобно. «Ну, куда?! Куда я их дену?!». На этом самом мысленном восклицании оторвал он взгляд от живота, чтобы за Собачкой присмотреть, но вместо нее увидел прямо перед собой маленькую Старушку – кудряшки синенькие, губы фиолетовые, перстни серебряные.

– Вздыхаете? – Мужчина обреченно кивнул. – А я, между прочим, все про ваши вздохи знаю.

– Как? Откуда? – взвился он штопором с пробкой из бутылки сухого красного.

– Насквозь вижу, – сказала Старушка, значительно глядя ему на живот.

Мужичок сдулся весь, обмяк, только живот дирижаблем.

– И мысли ваши тоже, – теперь Старушка смотрела на его голову, задрав высоко свой фиолетовый одуванчик.

Гигант глянул недоверчиво.

– И куда я их дену? Дурак я, дурак! – На что мужик кивнул обреченно. – А я ведь могу горю вашему помочь.

Теперь страдалец посмотрел подозрительно и решительно, даже агрессивно, заявил:

– Топить не буду, в приют не отдам!

– В хорошие руки пристрою или продам, – закончила за него старая провидица. – Только, кто их возьмет, тем более, купит, у всех своих девать некуда, – повела она в сторо-

ну скрюченным, наманикюренным пальцем в серебре.

Мужик проследил за пальцем и с удивлением обнаружил то, чего не замечал до сих пор, не до того было – за Собачкой глядел и на живот свой пялился. По всему скверу перемещались следом за маленькими собачками крупные мужчины с большими животами. Животы отличались по форме и по размеру – у кого-то «вот – вот», а у кого-то «чуть погодя». У высоких, тонконогих – грушеобразный живот, в основном, хвостиком вниз, у низеньких, толстозадых – хвостиком вверх. Из чего стало ясно – в хорошие руки не получится. И еще, что не он один пить бросил.

– Чего ж теперь делать? – спросил без тени надежды.

Старушка, напротив, была уверена, что «наше дело правое, и мы победим».

– У вас жена в каком звании – майор, полковник?

– Генерал, – ответил Мужчина и почему-то еще больше затосковал.

– Не надо, батенька, так убиваться, это же прекрасно, что генерал.

– Чего ж хорошего?

– Возможностей больше.

– Да, куда еще больше? – снова заштопорил мужик. – Фарфор на столе, машина у подъезда, собачка наиимпортнейшая, наимоднейшая, питается «Роял канином» в шоколаде, – помолчал и добавил, – у меня тоже... овсянка первосортная, кроссовки для прогулок «Адидас».

– Не те возможности, голубчик! Равняться есть на кого.

– Я и так при ней только по стойке «смирно» и дышу через раз, куда ж еще равняться?

– Что ж вы примитивный такой? Я вам предложение хочу сделать.

– Женат я уже, – оторопело сказал дядька, – и возраст у нас с вами...

– М-да-а-а... Что ж, пока старшиной начнете, а там, глядишь, лейтенанта получите, все же опыт у вас есть, женаты на генеральше давно.

– Это как? Я работать, что ли буду, служить?

– Ну, да, наконец-то дошло, милейший. Не просто работать – руководить, организовывать, управлять.

– ...А с Собачкой кто гулять будет?

– О! Не беспокойтесь, все будет в полном ажуре, человек у нас есть специальный, опытный, все в лучшем виде – выгул, кормление, игры.

– А?.. – Мужчина посмотрел вопросительно на живот.

– За ЭТО тоже не беспокойтесь. Живот у вас исчезнет, будто ничего и не было, рассосется, так сказать. Стройный будете, поджарый, энергичный, – энергично тряхнула Бабулька кудряшками.

Собачка вдруг жалобно заскулила и прижалась к хозяйской ноге.

– А Их? – кивнул тот с ужасом на свой живот.

– Не-е-ет! Ни в коем случае! Им не будет ни больно, ни

плохо, там, куда они вернуться, им будет хорошо, там – их родина.

– Значит, я буду генералом? И жена будет у меня строиться?

– Не сразу, дружок, не сразу. Сначала старшиной, потом лейтенантом, потом... В общем, как служить будете. А жена? Конечно, построится, как по званию догоните.

– Так, это что же, выходит, я пахать буду, отвечать за всех солдатиков, а она ж меня еще, согласно званию, строить будет, а когда я до генерала дорасту неизвестно?!

– Любезный, что вы так разгорячились? Жена ваша, между прочим, тоже не сразу генералом стала. Зато вы будете главным у солдат, денежки свои у вас будут, мясо вместо овсянки кушать станете, фигура, опять же, стройная, с собакой гулять не надо, не надо думать, куда Их пристроить.

– Нет! – рубанул Мужчина. – Не согласен! Я уж лучше тут как-нибудь, на овсянке. Гуляю с одной и с пятью погуляю.

Старушка открыла было накрашенный рот, что-то возразить, но он ее решительно пресек.

– И не уговаривайте! Вы сами – то, кто будете, гражданка, откуда? – неожиданно поинтересовался милицейским голосом.

Помолчал и добавил:

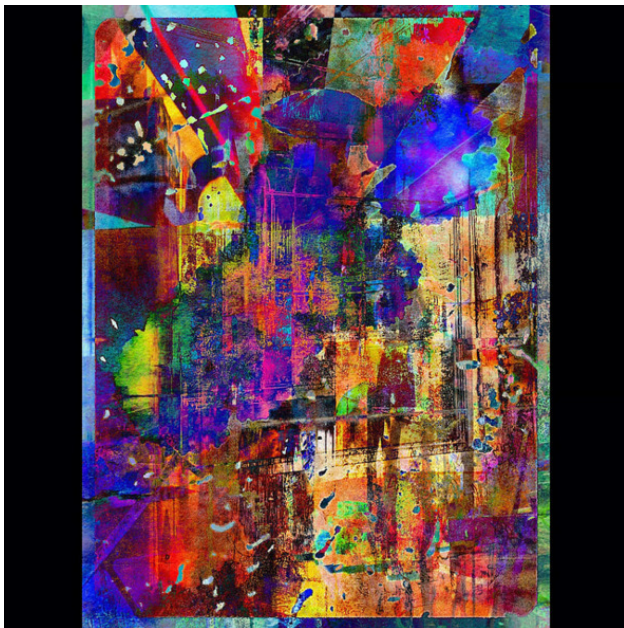
– И мне, это, Их жалко, вот.

Тут Старушка залилась не старушечьим смехом, затряслась просто от смеха, задрожала, стала расплываться в воз-

духе и растаяла вовсе, только эхо от смеха еще некоторое время раздавалось, но потом и оно исчезло. Мужчина вздохнул облегченно, почесал Собачку за ухом и пошел к дому, кивая на ходу другим Мужчинам с собачками.

Май, 2015 г.

Высокохудожественная сказка про холодец из Эрмитажа

Художник Худов страдал инсталляциями. По ночам к нему шастала узкобедрая, узкогубая Муза и нашептывала творческие замыслы. С утра невыспавшийся Худов брался за работу, проклиная изощренные идеи Музы. Она, между прочим, все слышала и на Худова злилась, но бросить его

не могла, потому как личностью была подневольной, обязанной служить, при ком поставили. Оставалось только мстить. Вдохновительница и мстила вдохновенно – такие идейки подкидывала, что вдохновляемый завывал нечеловеческим голосом. Соседи, люди тактичные, сострадательно покачивали головами, понимая про «муки творчества», и брались за беруши. Хотел Худов её прирезать потихоньку, все равно никто не узнал бы – Муза величина эфемерная – но та была настороже и являлась только во сне.

Однажды Худов перетаскал за день для очередной инсталляции двадцать крышек от канализационных колодцев, общим весом около тонны, и упал молча (завывать был не в силах) носом в диван. Тут его сознание расширилось, и он увидел сладостную, свершившуюся месть, так явно, что моментально бодро сел и даже решительно встал с демонической улыбкой на остроносом лице. Наутро к подъезду подкатил грузовик, крепкие парни сгрузили крышки в кузов и дали Худову денег, на которые он купил краски, кисти, холст. У «узкой» в тот день был выходной и когда она явилась на работу, было поздно – свершилось. Муза совсем было скользнула тощим телом под жесткий Худовский бок, ближе к уху, но взгляд её задержался на новом предмете интерьера – мольберте. Эфемерное создание прошибло током, но не энергией творческой, а электричеством, с выделением холодного человеческого пота: «Уволят к чертовой матери! Я же в станковой живописи, как свинья в апельсинах!». Ху-

дожник, не тревожимый ночной гостьей, спал с младенческой улыбкой на устах. Она же, напротив, металась как дневной Худов и даже стенала по-Худовски: «Сволочь! Зарезал все же, без ножа зарезал! На кусочки распластал! На кусочки...». И тут в её головке что-то мелькнуло, потом прояснилось, наконец, сложилось отчетливо. Она торжествующе глянула на своего несостоявшегося убийцу и привычным жестом откинула одеяло.

Наутро, ничего не подозревающий, счастливый мастер кисти, движимый ночным вдохновением, взялся за работу. Легко набросал обнаженные эрмитажные дамские плечи, груди в декольте и без них, нежные шеи с завиточками локонов у основания, милые розовые ушки, совершенные носики в профиль и анфас, дуги бровей с кисточками и без, глаза от лучших портретистов, локотки и прочее-прочее. Когда прочее кончилось, искусник задался вопросом глобальным – что нового он скажет в искусстве. Критически осмотрев свою работу, решил, что все было уже увековечено кем-то из живописцев, все части прелестного женского тела, а вот щиколотки – щиколотками никто не прославился. Но тут выяснилось, что и у Худова со щиколотками худо. Со всей остальной анатомией ему помогла академическая школа, здесь же она оказалась бессильна. Живописец, в чем был, выскочил на улицу, заметался пожаром по бульвару в надежде рассмотреть дамские ноги, но, как назло, бульвар был пуст, только поземка змеилась по мосто-

вой. Страдалец поджал голые пальцы в шлепанцах и уныло побрел к подъезду. На мгновение ему почудилась узкая голая лодыжка, но тут же исчезла. Художник тряхнул головой, отгоняя наваждение, и вернулся в квартиру. А зря не при-смотрелся, может, по-другому бы все дальше вышло. Не наваждение то было, а старая знакомая. Она, по такому случаю, не отсыпалась после ночной, а следила за своим подопечным, хихикая в кулачок.

Ночью Муза маялась в холодном коридорчике – Худов не спал, а на глаза ему попадаться было опасно. Худов не спал, он остервенело листал альбомы с репродукциями и даже студенческие конспекты и зарисовки. Потом с воплем: «Не то! Не то!», – бросал бумаги на пол и кружил по комнате, как Бобик за хвостом. Пробовал рисовать свою мосластую ногу, в бешенстве замазывал сделанное и снова стелился метелицей по мастерской. Такого эффекта вдохновительница не ожидала и лихорадочно молилась всем знакомым богам – покровителям, чтобы послали мастеру сон. Когда окно из чернильного стало серым он, наконец, забылся тревожным сном. Сотрудница Аполлона тихонько подкралась к спящему, положила руку на лоб и он увидел во сне её узкую, но изящную лодыжку. Тотчас пробудился, так резко, что она едва успела исчезнуть. Бормоча себе под нос, почему-то: «Ах, Аполлон! Ах, Аполлон!», – он споро набросал лодыжки Музы и, повалившись на постель, мгновенно заснул, теперь уже спокойно и глубоко.

Проснулся Худов от голосов в комнате, один из которых принадлежал его приятелю Толстову. «А, проснулся! – заметил Толстов его приоткрытый глаз. – Что это, брат, ты тут натворил? Холодец какой-то эрмитажный. Носы, локти, шеи, уши, коленки и даже щиколотки. Щиколотки, надо заметить, удачнее всего вышли. На Пикассо не тянет, но для инсталляции новой эти кусочки человеческие сгодятся. Эй, Худов! Ты что, заснул снова?». Но Худов не спал, он даже не был в обмороке. После слов «инсталляция» и «кусочки» в мозгу его вспыхнула молнией мысль: «Обманула, провела!» – после чего он стремительно полетел по белому тоннелю навстречу свету. Муза мелькнула в самом его начале, но скорость была такая, что художник не успел ухватить лиходейку за хитон. А дальше, как кинолента промелькнула вся жизнь, за один единственный миг последнего выдоха и все. Все, художник Худов предстал перед высшим Творцом, и это его личное дело.

Музу уволили без выходного пособия, как не соответствующую квалификации. Пришлось идти в натурщицы к студентам академии художеств, а так как фигура у неё была плосковата, то малыми заработками перебивалась бедняжка с хлеба на воду. По ночам, скучая по Худову, шептала со слезами в подушку: «Ну, зачем я его крышки от люков таскать надоумила?! Вдохновила...».

Май 2015 г.

Сказка о старых привычках и новом везении

Было это во времена нашей советской родины. Не очень давно, но уже и не недавно. Пить было принято во всех социальных слоях, во всех местах: семьях, предприятиях, заводах, фабриках, культурных учреждениях, руководящих органах. Пороком, проблемой и, чем там еще, пьянство не счи-

талось – лишь бы на работу ходил, да, когда надо: «Славу КПСС повторял». Так и жили. Все. Массовая культура по-вального пьянства для виду порицалась, а на самом деле всячески попускалась и поощрялась даже, по вполне понятным причинам.

Так вот. Жил в те времена один Начальничек не то чтобы очень большой, но с большими возможностями. Вырос он на советской родине, потому, привычки имел соответственные. «Слава КПСС» всегда был готов отбарабанить, даже, если ночью разбудить, даже смертельно пьяный. «Отче наш», про себя, перед начальственной «головомойкой» тоже хорошо исполнял. Воровал талантливо, взятки брал артистически, руководил, благодаря партбилету, хорошо. В общем, был опытный, крепкий хозяйственник. По части питья опыт также имел немалый и здоровье подходящее. Подчиненные – народ тренированный, на совещание раньше одиннадцати не собирались – не безопасно, отданные после семнадцати распоряжения не выполняли – все равно забудет, да и распоряжения еще те. Коллектив дружный – к 17—00 портвейн разлит, пельмени и сосиски поделены по авоськам, в 18—00 – все, как штык, к семейному очагу, продолжать начатое в 17, чтобы завтра с утра дружно заступить на трудовую вахту.

Так бы и дожили спокойненько до заслуженной пенсии, а Начальничек до почетной, но... Нежданно – негаданно грянула Перестройка. Коллектив к глобальным переменам ока-

зался не готов. Начальничек же, на удивление, своими насквозь отравленными алкоголем мозгами вовремя скумекал, что к чему, и в новую, НЕ плановую, экономику вписался. И все бы ничего, но новые русские, хваткие ребята – партнеры его, не имели тренировки в команде старого парткрата – алкоголика и в график не вписывались. Звонит ему в 17—00, ничего не подозревающий партнер, просит к завтрашнему утру бумажку важную навалить и подписать (а в том его часть дела и состояла, должность и старые партийные связи в нужное русло направить), он рапортует готовно – пьяно: «Всегда готов! Будет сделано!». Наивный молодой поделщик в 9 утра за бумажкой прилетает, а не тут-то было. Опытная секретарша мягко советует ему не заходить, занят, мол, в 11 освободится. Но куда там, у брателлы пальцы веером, в дверь не проходят. Влетает в просторный кабинет и видит раздувшуюся, красную, хоть прикуривай, физию. В глазках, как у пекинеса, не выгулянного нерадивым хозяином, ни тени мысли, даже намека на то, что он его, партнера, помнит, не то что семнадцатичасовые вчерашние договоренности. Бизнес-пацан безрезультатно камляет, как шаман над приболевшим чукчей, и вылетает с горганным криком в приемную. Умная секретарша, стремясь сохранить место работы, ласково, но крепко, хватает его за полу малинового пиджака и уверенно предлагает забрать бумажки в 11. Парень обреченно кивает и, выдав на выдохе воспоминания, об интимных отношениях с Начальничком

и его мать, соглашается. Ровно в 11, совершенно преобразившийся, опохмелившийся хозяин кабинета, вручает ошалевшему бизнес-партнеру нужные документы, выправленные в лучшем виде. Ничегошеньки юноша не понимает в старых правилах организации труда, простых, как режим работы вино-водочного магазина. Эх, новое неопытное поколение дельцов, у которых дым коромыслом от вершимых сделок и подделок! Но, наступив несколько раз на грабли, парень пристраивается к расписанию и пачки денежек, с коньячным «Наполеоном» в нагрузку, передает только после подписания всех важных бумаг.

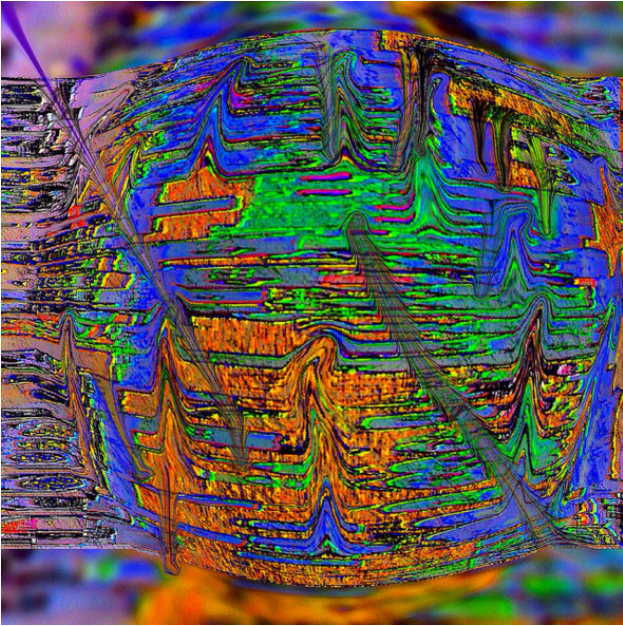
Так бы они и дожили спокойненько до максимального финансового благополучия, а Начальничек и до новопартийного, но... Все-таки, новое время диктует новые отношения и привычки старые желательно менять и перестраиваться, хотя бы из чувства самосохранения. Расслабился как-то бизнес-партнер юный, деньги, они притупляют чувство опасности, не учел привычек старшего подельника и подставил с нужными бумажками Серьезных ребят. Вытряхнули они его из шикарного малинового гардероба и пустили голым по широкой центральной улице в сибирскую стужу, хорошо никаких частей тела не лишили, а то и самой жизни. Добежал он до любовницы, облачился в запасной кардинальский пурпур и на большой скорости до ненадежного соратника догалопировал. А времени было 17 -10. Ах, как пожалел молодец, что время «после пяти», когда увидел маслянистые

лужицы знакомых глазок: «Я ж тебя, кобеля, б...я, трезвым, трезвым хотел пристрелить, чтобы ты весь мой ужас пережил, б...я!».

А Начальничку повезло, конечно, если бы было «до одиннадцати», неизвестно, от пули бы умер мгновенно-счастливо или от инфаркта долго-мучительно.

2015 г.

Рифмозависимость

В прежние времена было принято ходить на службу в армию. Все так делали, а тех, кто не делал, даже неполноценными считали. Тогда-то и жил на свете славный юноша. Жил – не тужил, окончил математическую школу, учился в институте на инженера, стихи сочинял, песни пел под гитару. Парень, как видно, он был чувствительный, вот и влюбился

страстно и, вместо того, чтобы дальше зачеты успешно сдавать, перестал вообще конспекты писать, а только серенады исполнял и стихи читал в комнате общежития предмету своей страсти. К концу семестра, не имеющие снисхождения к влюбленным студентам, ректор и проректор нашего Ариэля отчислили. И пошел он в весенний призыв охранять родину. Но это было еще полбеда.

Самая беда случилась во время службы. И, скорее всего, из-за его чувствительности и склонности к поэзии. А дело было так. Служить парня, как высокого ростом и положительного характеристикой, отправили на Северный флот. На флоте старшина называется мичман. Мичман этот имел обыкновение приказы, наставления и прочее рифмовать. И все бы ничего, только все рифмы у него начинались с одного и того же слога «ху». Ну, например, учит он матросиков тщательно кровать заправлять, а кровать на флотском жаргоне «люля», и звучит такой диалог:

– Это что у вас, товарищ матрос?

– Люля, товарищ мичман!

– Это, по-вашему, люля?

– Так точно, люля!

– Ху... ля, – рифмовал начальник, а дальше шло его мнение о качестве заправки кровати.

Или спрашивает коварно мичман провинившегося матросика, куда он его послал с поручением, тот отвечает вполне искренне, не ожидая подвоха:

– На камбуз, товарищ мичман!

– На камбуз?! Ху... з, – лихо заворачивает командир, дальше следует характеристика действий матроса.

– Стоял как-то наш студент на посту у знамени крейсера, как самый красивый и политически грамотный, а тут мимо мичман идет, заметил он, что у матроса ремень не в порядке и спросил по привычке, указуя на ремень: «Что это у вас такое, товарищ матрос?». «Ремень, товарищ мичман!». «Ремень – ху... нь!» – гаркнул мичман, так грозно, что у юноши в глазах потемнело, а когда прояснилось, видимо, осложнение случилось. Теперь он без рифмы ничего не говорил, конечно, все они начинались с приставки «ху». Рифмовал все и вся, независимо от обстоятельств, да так, что шокировал даже выдавшего вида мичмана. За поразительный талант его даже в штаб служить перевели, откуда он успешно демобилизовался.

И тут у него сложности начались. Когда дома любимой бабушке в ответ на предложение покушать шанежек, он их привычно срифмовал, старушка по тугоухости не расслышала, но, когда он обрисовал папе политическую ситуацию в мире и условия службы на флоте, маме пришлось срочно выйти за заварочным чайником на кухню. Отношение к замужеству своей девушки в его отсутствие он передал так поэтично, что товарищу мичману и не снилось, а у бывшей невесты изменилась форма ушей.

Решил тогда парень продолжить учебу, восстановиться

в институте. Но на первом же зачете засыпался и не из-за отсутствия знаний, а из-за проклятых рифм. Даже умудренный опытом профессор, сам в свое время неплохо рифмовавший, вынужден был признать, что формулировки для общего употребления некорректны и к обучению бывшего студента допустить невозможно. Поплакала мама, попереживал папа и устроил мальчика на работу. Но с работы его скоро уволили, по той же причине, что не взяли обратно в институт. Дело он хорошо делал, голова варила, но рабочий процесс так озвучивал, что ни один отоларинголог не мог потом вылечить пострадавшим уши. Даже мужчины не выдерживали.

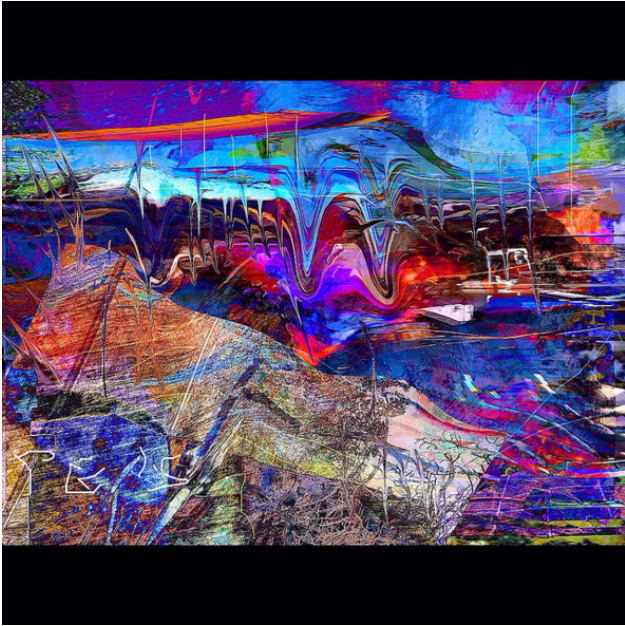
Повели паренька к докторам, сначала к тем, кто попроще, потом к профессорам. В конце концов, особо устойчивые к рифмам специалисты, поставили диагноз – рифмозависимость. Изучать юношу стали, как лингвистический феномен. Ведь он не просто рифмы виртуозно подбирал, а исключительно с первым слогом «ху». Родители подали иск, с требованием наказать мичмана и выплатить компенсацию, так как теперь их сын стал нетрудоспособным. На суде парень подтвердил, что товарищ мичман – ху... ман – явился основной причиной его стресса, вследствие которого он начал все подряд рифмовать. Присяжных тогда не было, потому шок выпал на долю небольшого судейского кворума, который и удовлетворил иск.

Сказка эта – назидание юношеству. Учишься – учишь,

влюбиться всегда успеешь, неустойчивая юношеская психика может оказаться не готовой не только к сильным любовным переживаниям, но и к армейским сильным выражениям.

2015 г.

Замученный мальчик

Один мальчик сильно мучился, страдал даже – никак не мог отличить правду от лжи. Старался очень, но ничего у него не получалось. Спросит в магазине у продавщицы: «Тетя, у вас хлеб свежий?». Та, ясно дело, отвечает: «Свежий». Он ей в глаза заглядывает: «Правда?». Она на чистом глазу: «Конечно, правда». Паренёк пальчиком в булку тычет

и долдонит: «А почему твердая?». «Корочка хорошо пропеклась, мальчик!» – и сдачу сует. Принесет дитё хлеб домой, тот старый, черствый, плесенью один бочок подернулся, ребенок и заплачет: «Опять не разобрал, врет или нет!».

Даже мама родная помочь ему не могла.

– Мама, учительница нам сказала, что наша демократия самая демократичная в мире, и живем мы лучше всех. Это правда?

– Конечно, правда, – отвечает мать, – нам про это еще тридцать лет назад в школе говорили и бабушке твоей семьдесят лет назад тоже говорили, значит, так оно и есть.

Маме он привык верить, но сомнение все же скребется, так и тянет пальчиком черствый бочок эфемерного благополучия потыкать. Тыкай не тыкай, а «кушать» эту демократию приходится, другой-то нет, не булка всё же, в булочную за другой не сбегаешь, главнюков, как продавщицу не выругаешь, а продавщице на твои ругания начихать. Мучительно пытался он переварить учительские, мамины, телевизионные и радио – пироги, находясь в объективной реальности. Получалось несварение.

И тут он влюбился, в самую лучшую, конечно, девушку на свете и самую искреннюю, разумеется. Засветился весь надеждой, порозовел: «У неё только правда! Можно жить и дышать спокойно!». Пищеварение наладилось, прогулки при луне, на свежем воздухе, на пользу пошли. «Ты меня любишь?» – глаза в глаза. Из глаз любимой свет: «Да, люблю!».

Как-то на скамеечке, под фонарем:

– Ты меня любишь?

– Да!

А глаза не светятся, тусклые глаза. Решил, показалось, темновато под фонарем. Днем снова: «Ты...», «Да...», – а не светятся.

– Может, разлюбила?

– Что ты? Тебе кажется.

Он уже, как в детстве, в магазине, в глаза заглядывает, а она глаза отводит. Не может такого быть, не может самая-самая обманывать! Побежал к лучшему другу:

– Она меня не любит?!

– Что ты, что ты? Тебе показалось, – и в глаза не смотрит.

Только по очень сильному несварению понял, что их правда – ложь. В отчаянии выскочил на балкон и прыгнул, тело упало камнем вниз, а сам он взлетел. Предстал перед Петром у огромных ворот. Тот ключами помахивает и говорит: «Ты что же, мальчик, с такой высоты неосторожно прыгаешь, убиться захотел?». Тут мальчик задумался: «Сказать „хотел“, в Ад отправят, сказать „нет“, все равно отправят – за враньё». Понял мальчик, что от мучений ему и на «том свете» не избавиться. Так и бродит неприкаянный между небом и землей, все пытается правду от лжи отличить.

2015 г.

Томинокерша сказка в стиле Стивена Кинга

Каждый год Старая Томка что-то упорно искала на своем подмосковном участке. В общем-то, она была еще не старуха, так, слегка за пятьдесят, но за время летних изысканий превращалась в старую вешалку, с сильно прореженными зубами. Что искала Томка – неизвестно, но, очевидно,

безрезультатно, потому что каждую весну она вновь остервенело принималась рыть по всей своей территории. Побочным эффектом поисков являлась куча овощей, выращавших к осени на хорошо прорыхленной земле. Осенью Томка выравнивала свои окопы и до теплых деньков отбывала в город. Хорошо еще, что климат не позволял копать круглогодично, иначе томинокерша могла бы иметь хорошую прибавку к пенсии, демонстрируя за деньги свои внутренние органы через просвечивающую кожу. За спокойную, не военно-полевую зиму, отъедаясь на овощах, копальщица становилась похожа на человека и дачные коты не шарахались от неё в первый весенний месяц.

Так бы и продолжался круговорот Томки в природе, если бы не вернулся на старое место жительства бывший Томкин одноклассник. Поселился напротив, в родительском доме, с женой Машкой Дикой. Дикой её прозвали позже, когда распознали буйный нрав. По сравнению со Старой Томкой Машка казалась огромной, как навозная куча у рачительного огородника. А темпераментом были схожи. Только у Томки он в рытье уходил, а у Машки в крик. Если бы Машкину энергию добавить к геологической Томкиной, она бы быстро нашла то, что искала столько лет. Но не сложилось у них. То ли Дикая ревновала мужа к однокласснице, то ли ни с кем, в принципе, не могла ладить, но житья соседке не стало.

Сначала у Машки исчез кот – дело молодое, ушел по сво-

им делам, натерпевшись в городе, однако хозяйка обвинила томинокершу в злодейском его похищении для неизвестных целей. Чем больше та оправдывалась, тем больше заходила кучная бабенка в обвинительном крике. Следующий визг лишил поселок всех оставшихся котов, убежавших со страху быстрее и дальше, чем на случку. Манька демонстрировала всем, выжившим после её сирены соседям, странное, явно ядовитое, растение, которое «эта доска» у себя выкопала и ей бросила, оно и приросло. Конечно, цель была умирить Дикую кучу, а за вдовца сейчас же замуж выскочить. Томка неделю ничего не искала – копать не могла, отлёживалась, запершись в доме, нервно вздрагивая на Машкин голос за окном.

Когда же показалась на свет божий, ей можно было отправляться на заработки в анатомичку к студентам-медикам, все органы и системы хорошо просматривались. Но навязчивая мысль – найти заветное, не отпускала полуживую Томку. Если бы был у неё свой Джеймс какой-нибудь завалящий, они бы вместе скорее откопали то, которое искала. Но после школьной влюбленности, неразделенной, никого у Старой Томки больше не было, соответственно, и детей – не было. Помочь или отговорить от затеи некому. Чем больше Машка орала, тем больше Томка истаивала, теперь не только органы были видны, но и посмотреть можно было сквозь неё на соседский штакетник. Бабы убеждали продать домик, купить в другом месте, поспокойней, но видно что-то такое бы-

ло зарыто на участке, что бросить никак нельзя. Страдалица только отмалчивалась и копала-копала из последних сил.

Между тем, с Машкой происходил процесс обратный, но прямо-пропорциональный Томкиному – чем больше одна худела, тем больше вторая толстела. В скором времени пришлось Однокласснику дверной проём расширять. Только это не помогло, через какое-то время он снова узок оказался, зато их соседка могла, при желании, пройти сквозь ячейку сетки рабицы. Через узкий проход беда и вышла.

Увидала как-то поздним вечером Машка свет на соседском участке, будто сияние какое, да все ярче-ярче, а что такое из окна не разобрать. Покатилась шустро колобком к порогу, но застряла. Тогда распахнула дверь и заорала: «Томка, ты что, сволочь, там у себя жжешь, спалить нас хочешь?!» – и замерла на полуслове. Соседка стояла посреди участка, возле вырытой недавно ямы, а оттуда поднимался светящийся диск, сама Томка уже несколько дней тоже светилась. Почти бесплотная, впорхнула она в распахнувшийся люк, и он захлопнулся, резко взмыл вверх, но спустился и завис прямо перед Машкой, невыносимо слепя ей глаза. Куча дико завизжала, задергалась в проеме, забилась пойманным необъятным карпом, мечтой рыбака, и вдруг лопнула. Все, что было внутри чудо-рыбы, разлилось зловонной фекальной кучей. Но на удобрение, как потом выяснилось, не сгодилось. Не только воняло очень, но и сжигало все подряд вокруг, как соляная кислота. Пришлось Однокласснику дом заколотить,

забор вокруг колючкой оплести. На заборе написал в разных местах: «Опасно для жизни!». И пошел счастливый, належке. Только на Томкин дом все оглядывался и вздыхал: «Эх, молодость, молодость! Как бы нам в твоё время теперешний ум!».

2015 г.

Бытовые рассказы

Банка крови

Её назвали в честь бабушки красивым именем Таисия.

Но в детстве домашние звали просто Тасей, а мать Таськой. «Таська» шло ей больше всего. Непослушные кудри, вырываясь из туго заплетенных кос, стоят дыбом; угольно черные, огромные глазищи, дико вытаращены и не обещают ничего хорошего; тощие ручонки, стиснуты в кулачки и упрятаны в карманы; худенькие ножки «иксиком», либо в, полных воды, резиновых сапогах, либо вовсе босы. Бесенок по имени Таська, таким уродился, прихватив лишку из прапрабабушкиной цыганской крови. Уже младенцем проявляла она свой коварный, буйный, неукротимый нрав. В полуторагодовалом возрасте, отнимала у младшего брата бутылку с кефиром, ласково приговаривая: «Сена, сена!» (сына, сына), и, откатившись на безопасное расстояние, жадно присасывалась. Кефир был её основной пищей, молоко категорически отвергала, и, если случалось ужасное – не отоварились кефиром, пиши пропало. Это тощее, прожорливое существо вопило часами, пока ей не зальют порцию кефира.

В яслях изводила воспитателей полной неуправляемостью. Каково им бедным приходилось?! Однажды умудрилась забраться по столбику-трубе на козырек над ясельным подъездом и лихо отплясывала там под вопли нянь и воспитательниц – цыганушка! А ведь дедушка был большой партийный начальник и папа значительный человек – серьезные, солидные люди. Но цыганские гены оказались сильнее. Слушалась безоговорочно только старшую сестру. Не из страха – любила и уважала. С козырька та сняла её

В два счета.

– Слезай!

– Как? Она упадет! – запричитали «воспитки».

– Слезай, как залезла!

В считанные секунды хулиганка скатилась вниз.

По утрам нудно и нагло ныла по пути в детский сад:

– Не пойду, неси меня.

А сама уже ростом больше половины сестры.

Если отец был дома, в сад обязательно опаздывали. Тася исполняла концертный номер под названием «Нечего надевать». Долго перебирала в своем шкафчике аккуратно выглаженные, красивущие платьица, кривила губы и на вопрос: «Это?», капризно отвечала: «Нет». Представление продолжалось до тех пор, пока в комнату не врывается, томившаяся у порога сестра, и четко, по-военному командовала:

– Ну-ка, хватит кровь пить! Бегом надела синее платье, гольфы и на выход!

Пока младшая одевалась, старшая выговаривала отцу:

– Папа, зачем ты с ней миндальничаешь? Я опаздываю, а ты ей потакаешь! Не видишь, она просто в сад идти не хочет? Быстро! – это уже сестре.

Оставляла «горе луковое» у ворот и наблюдая, как она бредет в группу, прикрикивая, подгоняла. Иногда, сестренка не слушалась и, чтобы не опоздать в школу, приходилось переть её в группу на загривке, обхватив за ноги.

Тася не признавала наказание в любой форме. Уже в под-

готовительной, выпускной группе, сестра получила за неё выговор от новой воспитательницы:

– Взрослая девочка, скоро в школу пойдет, а до сих пор не умеет стоять в углу.

Выяснилось, что, не введенная в курс дела педагогиня, пыталась поставить Таську в угол, в течение нескольких часов, состязаясь с ней в упрямстве. У Таськи не было никаких авторитетов, кроме сестры. Несчастливая «воспиталка» узнала, что она дура, но в угол девчонку так и не загнала.

Это все цветочки. Ягодки пережили Тасины няньки еще в яслях. Как-то теплым весенним утром мать повернулась на звук открываемой двери у себя в кабинете и обмерла – на пороге стояла счастливая Таисия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.